



Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачовскаго).

III ¹⁾.

Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ инструкторъ польскихъ войскъ.—Коронованіе императора Николая I въ Варшавѣ.—Сеймъ 1830 г.—Пріѣздъ въ Варшаву прусскаго принца Фридриха-Вильгельма и Александра Гумбольдта.—Іюльскія событія въ Европѣ.—Восстаніе въ Парижѣ.—Положеніе великаго князя Константина Павловича.—Диктаторство Хлюицкаго.—Его характеристика и дѣятельность.

1828 годъ былъ памятенъ Россіи турецкой войною.

Вѣроятно, многимъ будетъ удивительно, что ни одна часть польскаго войска не была употреблена въ эту кампанію, хотя императоръ и выразилъ желаніе, чтобы въ дѣйствующую армію была послана одна дивизія пѣхоты и дивизія кавалеріи; онъ предлагалъ это Константину Павловичу. Мысль связать товарищескими узами на полѣ битвы два войска, которыя должны были сражаться подъ одними знаменами, была весьма цѣлесообразна. Быть можетъ, этимъ были бы устранены послѣдующія событія. Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ внять этимъ доводамъ и энергично возсталъ противъ предложенія своего брата: смотры на Саксонской площади, во время которыхъ онъ не могъ потерять ни одного человѣка, были для него дороже всякихъ иныхъ соображеній. Въ дѣйствующую армію было послано только человѣкъ до ста, офицеровъ квартирмейстерской части, корпуса инженеровъ и бывшихъ учениковъ аппликаціонной школы, выпущенныхъ въ пѣхоту.

Между тѣмъ великій князь пожиналъ не окровавленные лавры на поляхъ подъ Повонзками. Его мало интересовали военныя дѣйствія,

¹⁾ См. «Русскую Старину» май 1902 г.

происходившія на Дунаѣ, еще менѣе интересовался онъ славою російскаго оружія и мало заботился объ опасности, которой могъ подвергнуться императоръ. Единственное доказательство участія, которое великій князь принималъ въ этой войнѣ, выразилось въ построеніи во время маневровъ батальоновъ въ карре и устроенное имъ, по предложенію генерала Гауке, примѣрное обложеніе бастіона, насыпаннаго два года передъ тѣмъ, подъ моимъ наблюденіемъ, саперами на песчаныхъ холмахъ предъ фронтомъ лагеря.

Работы по обложенію начались 20-го августа и окончились 4-го сентября 1828 года. Отряды пѣхоты, артиллеріи и саперъ, исполняли по очереди всевозможныя работы, предписываемыя теоріей и практикой осады крѣпостей.

Передъ началомъ этихъ работъ аппликаціонная школа совершила подъ моимъ наблюденіемъ военную прогулку въ Модлинъ, гдѣ ученики занялись составленіемъ плановъ новаго укрѣпленія и нивелировкой. Эти работы заняли весь іюль мѣсяць.

Великій князь находился въ это время въ Литвѣ, гдѣ онъ производилъ смотръ Литовскому корпусу и откуда онъ вернулся только въ концѣ августа; осмотрѣвъ наши работы, онъ выразилъ намъ свое удовольствіе.

13-го (25-го) марта мой пріятель Прондзинскій былъ освобожденъ изъ своего заточенія въ монастырѣ кармелитовъ, гдѣ онъ просидѣлъ около трехъ лѣтъ.

Приближалась коронація, о которой давно уже было возвышено жителямъ Варшавы. Къ этому торжеству въ Варшаву пріѣхали: императоръ съ супругою, наслѣдникъ престола, великій князь Михаилъ со свитою. По этому случаю дѣлались пышныя приготовленія мѣстными властями, войскомъ и городами. Сенаторы собрались на торжество коронаціи въ полномъ составѣ; польское войско и гвардія (численностью до 40.000) стали лагеремъ подъ Повонзками. Весьма многіе помѣщики пріѣхали изъ своихъ имѣній съ семьями, желая видѣть смотръ войскамъ. Въ Варшаву были привезены знаки царскаго достоинства, тѣ самыя, коими императоръ короновался въ Москвѣ. Поляки надѣялись видѣть на челѣ русскаго монарха польскую корону; но, увидѣвъ русскую, начали роптать. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, находя отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ лицахъ и въ войскѣ. Вновь воспріали тайныя общества, еще не прекратившія своей дѣятельности.

Самые ярые члены этихъ обществъ хотѣли произвести во время коронаціи нападеніе на царскую фамилію, обезоружить гвардію и произвести возстаніе. Насколько эта мысль созрѣла въ умахъ заговорщиковъ, какія приготовленія были сдѣланы ими съ этой цѣлью, что побудило ихъ отложить выполненіе своего намѣренія, мнѣ не извѣстно; кажется, этотъ

гнусный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе присушаго нашему народу отвращенія къ царубійству и изъ опасенія нарушить такимъ вопіющимъ злодѣяніемъ въ глазахъ Европы права гостепріимства и отчасти вслѣдствіе разлада, происшедшаго между заговорщиками. Но, должно быть, великому князю было извѣстно о существованіи этого позорнаго намѣренія, такъ какъ во время коронаціи и слѣдовавшихъ за нею торжествъ онъ выказывалъ все время большое волненіе.

Не смотря на то, что Варшава находилась какъ бы на вулканѣ, торжество коронаціи прошло спокойно по составленной заранѣ программѣ. Наканунѣ, на улицахъ и площадяхъ Варшавы, развѣзжали герольды, возвѣщавшіе о готовившемся торжествѣ, и провозглашали титулъ императора.

Титулъ былъ тотъ же, какой провозглашался на тѣхъ же улицахъ и площадяхъ во времена польскихъ королей.

Знаки императорскаго достоинства были отнесены въ торжественной процессіи въ кафедральный костелъ и торжественно освящены послѣ обѣдни.

На слѣдующій день императоръ, въ присутствіи сенаторовъ, дипломатическаго корпуса и многочисленныхъ жителей, собравшихся въ замкъ, возложилъ на себя корону и знаки царскаго достоинства, поданные ему архіепископомъ Вороничемъ, преклонивъ колѣна на ступеняхъ трона, повторилъ слова молитвы, прочитанной архіепископомъ, послѣ чего архіепископъ воскликнулъ: *vivat rex in aeternum*; орудія на замковыхъ валахъ загремѣли; колокола зазвонили. Императоръ двинулся изъ замка подъ балдахиномъ, который поддерживали штабъ-офицеры, въ числѣ коихъ находился и я. Пройдя по Свенто-Янскои улицѣ, застланной пунцовымъ сукномъ, въ сопровожденіи царской фамиліи и свиты сановниковъ, сенаторовъ, пословъ и генераловъ, императоръ направился въ кафедральный соборъ св. Яна, гдѣ католическое духовенство вознесло молитвы о благополучномъ царствованіи императора и короля. По улицамъ были разставлены пшалерами войска. Около памятника Сигизмунда III были устроены застланныя коврами мѣста для зрителей, гдѣ нѣсколько тысячъ дамъ своею красотою и разноцвѣтными нарядами увеличивали блескъ торжественнаго зрѣлища, залитаго яркимъ майскимъ солнцемъ. По окончаніи церковной службы, императоръ со свитою тѣмъ же порядкомъ вернулся въ замокъ, сопровождаемый кликами собравшейся тысячной толпы.

Въ тотъ день былъ сожженъ фейерверкъ для народа, состоялся безплатный театръ, парадъ, смотръ, угощеніе для войска, обѣдь, балъ для всѣхъ классовъ общества, и т. д.

Все совершилось по утвержденной заранѣ программѣ и подъ отеческимъ окомъ полиціи, какъ должно.

Всѣ крики радости исходили не изъ сердца, веселость была не искренная, всякій, отъ мала до велика, мало-мальски знакомый съ исторіей Польши, былъ оскорбленъ въ своихъ національныхъ чувствахъ; всѣ знали, что никто искренно не сочувствуетъ этому торжеству, ибо корона, которую возложилъ на себя Николай I, была не королевская корона; императоръ показалъ, что царство Польское, въ глазахъ его и русскаго народа, было не что иное, какъ завоеванная провинція, подобно царству Казанскому, Астраханскому и т. д., хотя при коронаціи присутствовалъ архіепископъ, но онъ не мазалъ императора мвромъ, не короновалъ его; императоръ былъ окруженъ русскою гвардіей.

Цѣль, которую имѣлъ императоръ: сблизить, примирить, слить оба народа, не была достигнута. Ненависть, недовѣріе, зависть, росли съ каждымъ днемъ и вспыхнули вскорѣ яркимъ пламенемъ, которое никто уже не былъ въ состояніи потушить!

На слѣдующій годъ, въ первыхъ числахъ мая императоръ вторично прибылъ со своей супругою и дворомъ въ Варшаву и открылъ 13-го мая первый въ его царствованіе сеймъ. Изъ Берлина пріѣхалъ привѣтствовать его наследникъ прусскаго престола, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ (впослѣдствіи король), въ сопровожденіи инженеръ-генерала Рауха и Александра Гумбольдта, только-что передъ тѣмъ возвратившагося изъ большаго путешествія въ Среднюю Азію и Оренбургъ. Начались парады, смотры, представленія, обѣды, балы, на которыхъ я присутствовалъ по обязанности службы. На одномъ изъ нихъ, у сенатора Замойскаго, великій князь представилъ меня Александру Гумбольдту, съ которымъ я имѣлъ интересный разговоръ о его послѣднемъ путешествіи. Это былъ еще бодрый старикъ, одаренный необычайной памятью, но слишкомъ много говорившій о себѣ.

Апликаціонная школа удостоилась посѣщенія прусскаго принца, онъ пріѣхалъ къ намъ съ Гумбольдтомъ и генераломъ Раухомъ совершенно неожиданно, въ 9 часовъ утра, и пробылъ у насъ два часа, интересовался нашимъ курсомъ и обнаружилъ знакомство со всѣми науками, какія у насъ проходились. На него произвела впечатлѣніе представительная наружность полковника Совинскаго, а когда онъ узналъ, что полковникъ служилъ ранѣе въ прусскомъ войскѣ, и увидѣлъ у него на груди орденъ Pour le mérite, то онъ отнесся къ нему еще любезнѣе, даже можно сказать сердечно. Принцъ очаровалъ всѣхъ насъ своимъ умомъ и привѣтливымъ обращеніемъ. Мы показали ему наши модели, рисунки учениковъ; время прошло незамѣтно до 11 часовъ, когда прибѣжалъ запыхавшій флигель-адъютантъ, давно уже разыскивавшій его, чтобы сообщить, что великій князь, вернувшись со смотра, ожидаетъ принца.

— Зачѣмъ же отрываетъ онъ меня отъ васъ,—сказалъ принцъ,—мнѣ тутъ такъ хорошо, я охотно пробылъ бы тутъ подольше.

Я слышалъ въ послѣдствіи, что Гумбольдтъ, на вопросъ императора о томъ, какъ онъ нашелъ нашу школу, похвалилъ ее въ присутствіи великаго князя, сказавъ, что въ ней введены всѣ новые методы, примѣняемые въ политехнической школѣ въ Парижѣ.

— А все-таки они бѣлые якобинцы, сказалъ на это великій князь.

Такова была награда, которую мы услышали изъ его устъ за наши десятилѣтніе труды!

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, императоръ и императрица принимали въ Духовъ день участіе въ народномъ гуляньи въ Бѣлѣнахъ; они ѣхали въ открытомъ экипажѣ въ ряду другихъ экипажей, любезно раскланиваясь на всѣ стороны. Ихъ встрѣчали такъ радушно, что казалось, будто между монархомъ и народомъ снова установилось полное довѣріе. Умѣніе народа держать себя, красота женщинъ, ихъ весенніе наряды поразили высочайшихъ особъ.

Въ началѣ сентября мы были какъ громомъ поражены извѣстіемъ объ іюльской революціи въ Парижѣ, а четыре мѣсяца спустя о революціи въ Брюсселѣ и о революціонномъ движеніи въ Брауншвейгѣ, Касселѣ, Дрезденѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ. Не смотря на всѣ старанія полиціи, вѣсть о событіяхъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, переходила изъ устъ въ уста; давно уже возбужденные умы заволновались. Въ войскѣ, въ университетѣ, наконецъ въ обществѣ скопилась масса горячаго матеріала: можно было опасаться, что вскорѣ въ Варшавѣ произойдутъ тѣ же кровавыя сцены, которыя происходили на улицахъ Парижа и Брюсселя. Для этого было достаточно одной искры.

Во время іюльской революціи, великій князь съ княгиней Ловичъ находился, насколько припомню, въ Дрезденѣ; онъ не спѣшилъ въ Варшаву, чтобы парализовать своимъ присутствіемъ замыслы, о которыхъ ему давно уже было извѣстно, и тѣмъ предотвратить хотя бы на время надвигавшуюся грозу,—это было ошибкою съ его стороны. Онъ возвратился только въ октябрѣ. Близкіе къ великому князю люди, пользовавшіеся его довѣріемъ, говорили, что событія, разыгравшіяся въ Парижѣ, произвели на него сильное впечатлѣніе, что всѣ его поступки изобличали сильное душевное волненіе. Прѣжняя его порывистость уступила мѣсто какой-то, до тѣхъ поръ, небывалой снисходительности и кротости въ дѣлахъ службы. Великій князь сталъ жаловаться во всеуслышаніе на свое здоровье, говорилъ, что онъ усталъ и хочетъ отдохнуть. Онъ не разъ повторялъ, что служить уже 40 лѣтъ, что ему пора подумать объ отставкѣ и что онъ давно уже просилъ императора освободить отъ его обязанностей. Проѣзжая однажды мимо казармъ Волинскаго полка, онъ посмотрѣлъ на нихъ съ грустью и сказалъ своему адъютанту:

— Я знаю, что меня ожидаетъ въ Варшавѣ,—да будетъ воля Божія—меня тревожитъ болѣе всего участь этихъ молодцовъ!

Приближенные великаго князя говорили, что, вѣроятно, опасность близка, коли онъ сдѣлался такъ кротокъ.

Во то время въ Варшавѣ разнеслись вѣсти о намѣреніи императора объявить войну Франціи, о союзѣ, заключенномъ съ Австріей и Пруссіей, о приведеніи Польскаго и Литовскаго корпусовъ на военное положеніе, объ обширныхъ запасахъ аммуниціи, сосредоточенныхъ въ Модлинѣ, и т. п. Свѣдущіе люди были убѣждены, что не далѣе, какъ весною, произойдутъ важныя событія, говорили даже, будто императоръ Николай хотѣлъ стать во главѣ новой коалиціи противъ Франціи для подавленія совершившейся уже революціи, которая кромѣ перемѣны династіи не повлекла за собою для Европы никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ въ варшавской атмосферѣ чувствовалось приближеніе грозы. Полиція каждую ночь сдирала съ угловъ прокламаціи, возвѣщавшія о возстаніи. Однажды утромъ, на стѣнахъ Брюлевскаго дворца, въ которомъ жилъ великій князь, появилось объявленіе съ надписью: «Этотъ домъ отдается въ наемъ съ 1-го января 1831 года».

Физиономія города преобразилась: на улицахъ появилось много новыхъ лицъ. Рассказывали о заупокойной общинѣ, отслуженной академикомъ по убитымъ при взятіи Праги. Руководители тайныхъ обществъ, воспользовавшись отсутствіемъ великаго князя и сосредоточіемъ войска въ лагерѣ, дѣятельно старались склонить умы къ возстанію. Кажется, еще до окончанія лагернаго сбора все было условлено, и къ заговору примкнули многіе офицеры, академики и чиновники. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ вскользь Станиславомъ Ржевусскимъ, я понялъ, что онъ тоже вступилъ въ тайное общество; недѣли за двѣ до возстанія онъ принесъ мнѣ записку Килинскаго, которую распространяли съ цѣлью пріучить жителей Варшавы къ мысли о возстаніи. Я сильно сомнѣвался, чтобы все это могло быть скрыто отъ бдительнаго ока полиціи. Моя увѣренность въ этомъ еще болѣе усилилась, когда было арестовано нѣсколько офицеровъ и академиковъ. Въ обществѣ говорили, что была учреждена новая слѣдственная коммиссія, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ генералъ Станиславъ Потоцкій, что засѣданія этой коммиссіи уже начались и что правительство напало на слѣдъ весьма важныхъ уликъ.

18-го октября я получилъ отъ Станислава Ржевусскаго визитную карточку, на которой карандашомъ были написаны нѣсколько начальныхъ буквъ. Въ тотъ день я не обратилъ на это особеннаго вниманія, но впоследствии припомнилъ, что именно этотъ день, 18-го октября, былъ избранъ вначалѣ для возстанія. Намъ было извѣстно также, что въ варшавскомъ гарнизонѣ, послѣ возвращенія великаго князя, были приняты

особыя мѣры предосторожности. Баталіонамъ, составлявшимъ этотъ гарнизонъ, было приказано собираться въ случаѣ тревоги на двухъ площадяхъ; въ каждомъ кавалерійскомъ полку, въ одномъ эскадронѣ лошади всю ночь стояли осѣданныя. Русскіе гвардейскіе офицеры говорили почти открыто, что если польское войско останется вѣрнымъ императору, то нечего бояться и что всякое уличное движеніе будетъ подавлено въ самомъ началѣ; въ противномъ случаѣ они считали себя погибшими.

Варшавскій гарнизонъ состоялъ изъ 9.600 человекъ пѣхоты, 2.400 человекъ кавалеріи и одной батареи конной артиллеріи; кромѣ того въ Варшавѣ находилась школа подпрапорщиковъ, состоявшая изъ 300 учениковъ, набранныхъ изъ разныхъ польскихъ и русскихъ гвардейскихъ и пѣхотныхъ полковъ; школа кавалерійскихъ подпрапорщиковъ, въ которой было 200 молодыхъ людей, поступившихъ также изъ польскихъ и русскихъ войскъ; наконецъ, аппликаціонная школа и школа артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ, у которой было 4 пушки.

Великій князь до послѣдней минуты рассчитывалъ на польское войско, въ особенности на свой любимый 4-й пѣхотный полкъ и на саперъ, коимъ онъ оказывалъ сравнительно съ другими частями особое благоволеніе; онъ никогда не допускалъ мысли, что съ этой стороны ему могла угрожать какая-нибудь опасность, и торжественно заявлялъ императору въ своихъ донесеніяхъ, что какъ бы то ни было, а на преданность польскаго войска всегда можно положиться.

Если бы онъ не былъ такъ увѣренъ въ этомъ, то еще въ октябрѣ онъ имѣлъ всѣ средства разрушить планы заговорщиковъ. Для этого стоило только двинуть въ Варшаву одну дивизію Литовскаго корпуса или хотя бы одну бригаду гренадеръ и стрѣлковъ, съ соответствующимъ количествомъ артиллеріи, вызвать изъ Скерневиць и Горы 20 орудій, послать въ надежное мѣсто напр. въ Модлинъ 30.000 ружей и нѣсколько пушекъ, хранившихся въ варшавскомъ арсеналѣ; занять Модлинъ нѣсколькими батальонами Литовскаго корпуса, подъ командою энергическаго начальника; привести наскоро эту крѣпость въ оборонительное положеніе, снабдить ее артиллеріей, боевыми снарядами и съѣстными припасами на три мѣсяца. Въ самой же Варшавѣ онъ могъ принять болѣе энергичныя мѣры предосторожности и сосредоточить полки русской гвардіи близъ Бельведера. Въ виду такихъ силъ и такихъ мѣръ предосторожности, руководители возстанія не рѣшились бы, вѣроятно, начать уличные беспорядки и отказались бы отъ своего замысла.

Между тѣмъ 17-го (29-го) ноября, въ 5 часовъ вечера, вернувшись домой изъ аппликаціонной школы, я приказалъ запретъ лошадей, намѣреваясь провести вечеръ у княгини Ловичъ и поблагодарить ее за

«Harmonie» Ламартина, которые она подарила мнѣ въ день моихъ именинъ 11-го (23-го) ноября.

Была ли то простая случайность или меня хранила судьба, но, какъ бы то ни было, кучера моего не оказалось дома. Будучи одѣтъ и не желая терять вечера, я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ на Грибовую улицу къ г-жѣ Гутаковской. Погода была хорошая, морозило, и я пошелъ, закутавшись въ плащъ. Подходя къ желѣзнымъ воротамъ, я услышалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей. Остановившись, я спросилъ проѣзжавшаго мимо извозчика, не слышалъ ли онъ выстрѣловъ со стороны Краковскаго предмѣстья?

— Вы,—должно быть, ошиблись, панъ, это шумѣли, вѣроятно, мои дрожки,—отвѣчалъ онъ...

Но я не успѣлъ пройти и двухсотъ шаговъ, какъ снова раздались выстрѣлы. Увѣренный этотъ разъ въ томъ, что я не ошибся, я ускорилъ шагъ и зашелъ къ Генрику Забѣллѣ на Грибовой улицѣ. Я засталъ у него Эдуарда Рачинскаго, съ которымъ они преспокойно разглядывали чертежи и рисунки Лондонскихъ доковъ, ни мало не подозрѣвая того, что дѣлалось въ городѣ. Они выслушали меня съ удивленіемъ и послали по моей просьбѣ слугу на Краковское предмѣстье узнать, что тамъ происходитъ. Онъ вернулся чрезъ нѣсколько минутъ и сообщилъ, что въ Варшавѣ бунтъ. Я поспѣшно простился съ Забѣллою съ намѣреніемъ отправиться въ аппликаціонную школу, куда меня призывалъ мой долгъ. На Гржибовской площади я встрѣтилъ нѣсколькихъ подпрапорщиковъ пѣхоты, скакавшихъ верхомъ и кричавшихъ: «М о с к а л и р ѣ ж у т ь н а ш и х ь , п о л я к и к ѣ о р у ж і ю!» . Они не тронули меня, и я отправился на Банковую площадь, гдѣ увидѣлъ батальонъ сводныхъ гренадеръ подъ командою маіора Живульта со 2-мъ линейнымъ полкомъ. Я спросилъ его: «Что случилось, что вы тутъ дѣлаете?»

— Я тутъ по приказанію начальства,—отвѣчалъ маіоръ,—это мое мѣсто на случай тревоги, мнѣ приказано защищать банкъ. Я передаю команду г. полковнику, какъ старшему офицеру.

— Команда въ хорошихъ рукахъ,—отвѣчалъ я маіору;—что касается меня, то мое мѣсто въ аппликаціонной школѣ.

— Что же мнѣ дѣлать далѣе?—спросилъ Живульта.

— Пока,—отвѣчалъ я,—защищать банкъ, держать батальонъ подъ ружьемъ и слѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ, разсылая во всѣ стороны патрули и ведеты.

Между тѣмъ до насъ долеталъ отголосокъ шума, происходившаго передъ арсеналомъ; слышны были крики людей и выстрѣлы. Въ эту минуту подошла школа конныхъ подпрапорщиковъ, состоявшая на половину изъ русскихъ, на половину изъ поляковъ, подъ командою подполковника Чарномскаго. Простоявъ на Банковской площади съ пол-

часа, они повернули обратно. Я оставался некоторое время подъ галлереей банка; трудно было добраться до школы, хотя до нея было и недалеко, но улицы, ведущія къ ней, были переполнены вооруженными людьми; я встрѣтилъ тутъ генерала Копецкаго, графа Ельскаго, майора Войнаровскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

— Чѣмъ все это кончится?—спрашивали они.

— Пока русскихъ выгонять изъ Варшавы,—отвѣчалъ я,—а черезъ мѣсяцъ будетъ война съ Россіей, конецъ которой можетъ предвидѣть каждый здравомыслящій человекъ, а въ результатъ потеря свободы и тяжелая для насъ неволя!

Вотъ, что я говорилъ въ то время, ибо чего можно было ожидать отъ революціи, какъ не бѣдствія для народа? Вначалѣ, быть можетъ, немного славы, которая разлетится, какъ дымъ, а затѣмъ упадокъ страны, несчастіе семей, тысячи жертвъ... Какъ бы одаренный прозорливостью пророка, я видѣлъ въ то время ясно, какъ день, то, что ожидало насъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Это видѣли и другіе, но охватившая всѣхъ тревога, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ замыкала всѣмъ уста. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ этими господами, я вошелъ въ домъ Замоискихъ и попросилъ знакомаго слугу дать мнѣ стаканъ чая, потомъ отправился къ себѣ на квартиру, бывшую въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, и, взявъ немного денегъ на всякій случай, вернулся къ банку. Тутъ я увидѣлъ, что положеніе дѣла значительно измѣнилось. Офицеры, собравшись безъ начальства, совѣщались между собою. Солдаты начали выходить изъ рядовъ. Разныя лица, арестованныя съ оружіемъ въ рукахъ въ арсеналѣ, шли мимо насъ съ криками: «да здравствуетъ отчизна». Въ этотъ моментъ передъ батальономъ вышли генералъ Феншовъ и капитанъ Безобразовъ, адъютантъ великаго князя. Первый пріѣхалъ изъ Бельведера окольными улицами; второй былъ встрѣченъ около ратуши залпомъ изъ ружей и едва не былъ убитъ. Феншовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что великій князь ничего не предпринималъ въ столь важный моментъ, и, обратясь ко мнѣ, сказалъ (по-французски):

— Онъ оставляетъ насъ въ минуту опасности,—тогда какъ если бы дѣйствовать энергично, можно было бы еще все спасти, онъ колеблется и погубить всѣхъ насъ вмѣстѣ съ собою.

Къ намъ подѣхалъ также Владиславъ Замоискій, но, поговоривъ съ нами нѣсколько минутъ, отправился обратно. Генералъ Феншовъ проѣхалъ до Гломацкой улицы, но тутъ былъ окруженъ толпою и едва не заплатилъ за свою смѣлость жизнью.

Вскорѣ послѣ этого показался генералъ Станиславъ Потоцкій и, остановившись ненадолго предъ гренадерами Живульта, поѣхалъ по Римарской улицѣ, смѣло подвигаясь среди толпы, которой онъ объяснялъ

безразсудность ея поступка. Его окружили военныя и гражданскія лица разныхъ чиновъ и убѣждали стать въ главѣ ихъ. Но генераль отвѣчалъ, что не можетъ нарушить данной присяги и запятнать свою военную честь. Когда же они стали приставать къ нему все болѣе и болѣе энергично и хотѣли силою заставить его идти съ собою, то онъ протискался сквозь толпу и вернулся смущенный къ баталіону Живульта. Немного погодя, онъ приказалъ обезоружить толпу, шедшую мимо, которая была вынуждена сложить предъ фронтомъ гренадеръ Живульта оружіе; взятое изъ арсенала, которое они несли спрятаннымъ. Вслѣдъ за Станиславомъ Потоцкимъ человекъ около двадцати протиснулись въ ряды баталіона и начали склонять на свою сторону гренадеръ. Потоцкій еще разъ обратился къ толпѣ, желая уговорить ее отказаться отъ своего намѣренія. Но все было напрасно,

Во время замѣшательства, происшедшаго среди гренадеръ Живульта, неизвѣстнымъ человекомъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и Станиславъ Потоцкій былъ смертельно раненъ. Его отнесли въ домъ Замоискихъ, гдѣ онъ скончался нѣсколько часовъ спустя. Вслѣдъ за нимъ удалился съ Банковской площади начальникъ его штаба, генераль Мрожинскій, раненый въ шею штыкомъ.

Такъ погибъ храбрый воинъ, товарищъ Косцюшки и князя Понятовскаго, ревностный патріотъ, отъ руки тѣхъ самыхъ людей, которымъ было бы весьма важно имѣть на своей сторонѣ человека столь вліятельнаго и преданнаго общему дѣлу, какъ Станиславъ Потоцкій. Если бы ему было дано нѣсколько часовъ на размышленіе, то его навѣрно удалось бы склонить на нашу сторону, но его минуты были сочтены!

Послѣ того, какъ онъ былъ убитъ, никто уже не чувствовалъ себя въ безопасности, поэтому я вышелъ изъ толпы и вернулся домой, ожидая всю ночь дальнѣйшихъ событій, въ коихъ я не могъ принимать никакого участія.

На слѣдующій день, 18-го (30-го) ноября, ко мнѣ явился въ 10 часовъ утра Станиславъ Ржевуескій, прося дать ему что-нибудь поѣсть. Подкрѣпляя себя пищей, онъ разсказалъ мнѣ о событіяхъ этой ночи: нападеніи на Бельведерь, смерти генерала Гауке, полковника Медцшевскаго, генераловъ Блюмера, Тренбицкаго, Новицкаго, Сементовскаго; арестованіи русскихъ генераловъ: Рихтера, Исакова, Энгельмана, Кривцова, Нессельроде; адъютантовъ Грессера и Бутурлина; польскихъ генераловъ: Риделя и Бонтана; о разграбленіи арсенала, изъ котораго народъ взялъ 30.000 ружей; и т. д. На мой вопросъ о томъ, кто руководитъ возстаніемъ и какія дальнѣйшія намѣренія поляковъ, онъ не могъ ничего сказать. Когда онъ ушелъ, я послалъ преданнаго мнѣ слугу Войцеха къ полковнику Совинскому узнать, что дѣлается въ

апликаціонной школѣ. Ему сказали, что ученики до 9 часа вечера сидѣли спокойно въ своихъ залахъ; въ девятомъ часу толпа вооруженнаго народа ворвалась въ школу и не смотря на сопротивленіе полковника и офицеровъ силою вывела ихъ на улицу, откуда ни одинъ изъ нихъ еще не возвратился. Войцехъ сообщилъ мнѣ также, что волненіе не прекращается, и что офицеру нельзя показаться на улицѣ безъ пистолета или какого-либо оружія въ рукахъ и т. д. Я не выходилъ весь день изъ дома и только на слѣдующій, 1-го декабря, рѣшился выйти изъ своей квартиры и присоединиться къ начальнику школы.

Въ тотъ день рано утромъ ко мнѣ явились: инженерный капитанъ Вильсонъ и поручикъ того же корпуса Прширембель (Przyrembel); войдя ко мнѣ, они спросили, чтѣ я намѣренъ дѣлать? Вильсонъ сообщилъ мнѣ всѣ слухи, ходившіе въ городѣ, вслѣдствіе которыхъ весьма многіе легковѣрные люди перешли на сторону мятежниковъ.

— Мнѣ не нужно,—сказалъ я Вильсону,—никакихъ доводовъ, чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе въ настоящую минуту. Я прежде всего полякъ! Коль скоро польскій народъ возстаетъ, я не намѣренъ отдѣлать своей судьбы отъ судьбы народа. Если онъ хочетъ погибнуть, то и я погибну вмѣстѣ съ нимъ. Но наше возстаніе есть война съ Россійской имперіей, которую не могъ побѣдить Наполеонъ, и всякій благомыслящій человѣкъ можетъ понять, каковъ будетъ ея результатъ для насъ. Что касается меня, то я останусь на своемъ мѣстѣ и буду дѣйствовать такъ, какъ долженъ поступить честный человѣкъ, преданный своему отечеству; быть можетъ, безъ увлеченія, которое я вижу въ васъ, но ровно и настойчиво до конца. Кто руководитъ возстаніемъ?

Вильсонъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ никто изъ людей извѣстныхъ не сталъ во главѣ мятежниковъ, но что они рассчитываютъ на Хлопцаго.

— Гдѣ же корпусный командиръ, генералъ Малецкій?

— Съ великимъ княземъ.

Взявъ пистолетъ и снявъ русскіе ордена и султанъ съ шапки, которые всѣ военные одѣли при началѣ революціи, оставивъ бѣлую ленту и кокарду, я вышелъ съ Вильсономъ и Прширембелемъ на Сенаторскую улицу. Первые лица, которыхъ мы встрѣтили, были статскій совѣтникъ Лудвигъ Платеръ и каштелянъ Дембовскій, оба съ саблями въ рукахъ и съ кускомъ бумаги на шляпѣ, на которомъ было написано: «народная гвардія». Они шли къ дому князя Любецкаго. На ихъ блѣдныхъ лицахъ замѣтны были слѣды волненія и бессонныхъ ночей. Въ ту сторону шла масса разнаго народа, всѣ съ оружіемъ въ рукахъ. На фасадѣ ратуши (домъ Яблоновскихъ) я прочелъ надпись: Witaj jutrzeńko wolności, za tobą

*

idzie słońce swobody! ⁴⁾). На дворѣ зданія военной комиссіи мы увидѣли баталіонъ саперъ въ волненіи, не поддающемся описанію.

Солдаты, набранные по большей части изъ варшавскихъ мастеровыхъ, полушьяныне, начали уже грабить кассы и угрожали офицерамъ, которые старались обуздать ихъ своеволіе. Офицеры и унтеръ-офицеры, которые всѣ хорошо знали меня, привѣтствовали меня громкими криками радости. Песдоровавшись съ ними, я началъ разспрашивать ихъ о томъ, что было наканунѣ, и узналъ о смерти капитана Терстеняка (Tersteniak), на котораго напали три сапера его роты въ его собственной квартирѣ и закололи штыками въ присутствіи его жены. Его вина заключалась въ томъ, что въ ночь 17-го (29-го) ноября онъ не сталъ во главѣ своей роты. По той же причинѣ солдаты стрѣляли въ подпоручика Піотровскаго, который былъ смертельно раненъ. Баталіонный командиръ, подполковникъ Майковскій, ожидалъ съ минуты на минуту той же участи.

У дворца я встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ, между коими былъ полковникъ Жванъ и полковникъ Альфонсъ. Въ эту минуту къ нашему кружку подѣхалъ верхомъ пѣхотный подпоручикъ съ смуглымъ сумрачнымъ лицомъ и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Господа! все идетъ, какъ слѣдуетъ! Я былъ сейчасъ у генерала Хлопицкаго; онъ принимаетъ начальство надъ войскомъ. Революція, которой вы были свидѣтелями, есть дѣло моихъ рукъ. Это сдѣлалъ все я. Я Заливскій!

При этихъ словахъ всѣ переглянулись и остолбенѣли. «И такіе-то ничтожные люди руководятъ возстаніемъ!»—подумалъ каждый. Заливскій отѣхалъ къ другой группѣ и повторилъ ей буквально то же самое. Мы пошли далѣе. На Медовой улицѣ стояла народная гвардія. Нѣсколько сотъ человекъ, вооруженныхъ разнокалибернымъ оружіемъ, начали строиться рядами. Чиновники, купцы, ремесленники, артисты, рабочіе и т. д. стояли другъ возлѣ друга чинно, въ величайшемъ порядкѣ. На Красинской площади стоялъ 4-й баталіонъ пѣхотнаго полка съ полковникомъ Богуславскимъ и два орудія конногвардейской артиллеріи подъ командою поручика Гауке, сына убитаго военнаго министра. Наконецъ, я добрался до аппликаціонной школы и, поговоривъ съ полковникомъ Совинскимъ, отправился въ инженерное управленіе въ томъ же зданіи, гдѣ собралось нѣсколько офицеровъ. Всѣ эти господа думали только о томъ, какъ бы схватить лишній чинъ. 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ генералъ Хлопицкій, до тѣхъ поръ тщательно скрывавшійся, принялъ командованіе войсками съ цѣлью предупредить начинавшуюся анархію.

⁴⁾ Привѣтствую утро вольности, за тобою встаетъ солнце свободы.

20-го ноября (2-го декабря) генераль Салацкій приказалъ мнѣ составить списокъ всѣхъ инженерныхъ офицеровъ, находившихся въ Варшавѣ.

На слѣдующій день генераль Шембекъ вступилъ въ Варшаву во главѣ полка пѣхотныхъ стрѣлковъ, приветствуемый радостными криками народа, и присоединился къ мятежникамъ. Этотъ важный шагъ побудилъ тѣ части польскаго войска, которыя еще оставались вѣрны великому князю, измѣнить ему.

Въ тотъ же день, т. е. 20-го ноября (2-го декабря), великій князь принялъ въ Вержбѣ депутацію, состоящую изъ князя Адама Чарторыйскаго, князя Любецкаго, Владислава Островскаго и Лелевеля, и заключилъ съ нею договоръ.

Когда генераль Шембекъ присоединился къ мятежникамъ, генераль Хлопицкій ввелъ въ Варшаву гренадерскій полкъ и конныхъ стрѣлковъ, во главѣ которыхъ ѣхали генералы: Жимирскій, Красинскій и Курнатовскій. Народъ встрѣтилъ войско рукоплесканіями, но на Банковской площади началъ угрожать генераламъ Красинскому и Курнатовскому, называя ихъ измѣнниками. Ярость толпы дошла до того, что если бы въ дѣло не вмѣшались Хлопицкій и Шембекъ, то этимъ генераламъ пришлось бы поплатиться жизнью за свои прежніе грѣхи. Они постѣжили уѣхать изъ Варшавы: Курнатовскій въ Вроцлавъ, гдѣ онъ пробылъ до окончанія войны, а Викентій Красинскій въ Петербургъ.

Только 22-го ноября (4-го декабря) руководители возстанія вспомнили о Модлинѣ. Генераль Хлопицкій послалъ по ихъ просьбѣ подполковника Хржановскаго съ нѣсколькими ротами 8-го пѣхотнаго полка занять этотъ важный для мятежниковъ оборонительный пунктъ, въ которомъ помимо 50 орудій разнаго калибра находилось нѣсколько милліоновъ готовыхъ патроновъ и большой запасъ пороха. Комендантомъ крѣпости былъ артиллерійскій полковникъ Гугемусъ. Крѣпость совершенно не была приспособлена къ оборонѣ, въ ней не было съѣстныхъ припасовъ и ни одного пѣхотнаго солдата. О продолжительной оборонѣ нечего было и думать. Поэтому какъ только подполковникъ Хржановскій со своей пѣхотой подошелъ къ Сѣроцку, комендантъ началъ съ нимъ переговоры.

Русскому войску и артиллеріи было дозволено уйти въ Цѣхановець къ русской границѣ. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ очутились большіе запасы пороха, пуль и готовыхъ боевыхъ снарядовъ, безъ которыхъ война была бы окончена съ перваго сраженія. 5-го декабря утромъ я получилъ отъ генерала Салацкаго, принявшаго, за отсутствіемъ дивизионнаго генерала Малецкаго, начальство надъ корпусомъ инженеровъ,—приказъ, коимъ онъ увѣдомлялъ меня о томъ, что, будучи назначенъ вновь учрежденнымъ правительствомъ завѣдывать матеріальной

частью артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, онъ предлагалъ мнѣ принять временно начальство надъ корпусомъ инженеровъ и вступить немедленно въ исполненіе моихъ новыхъ обязанностей.

Такимъ образомъ генералъ Салацкій предпочелъ занять болѣе безопасное мѣсто, возложивъ всю отвѣтственность за дальнѣйшія дѣйствія на меня. Побужденія, руководившія имъ въ этомъ случаѣ, не были для меня тайною, но мое желаніе послужить народному дѣлу было такъ сильно, что я не колеблясь занялся приведеніемъ Варшавы, Праги и Модлина въ оборонительное положеніе.

23-го ноября (5-го декабря) генералъ Хлопицкій рѣшилъ объявить себя диктаторомъ. Онъ приказалъ войску собраться на Марсовомъ полѣ и обратился къ нему со слѣдующею рѣчью:

— Такъ какъ настоящее критическое положеніе требуетъ величайшей съ нашей стороны энергіи и всякая задержка въ дѣйствіяхъ можетъ имѣть роковыя для нашего народнаго дѣла послѣдствія, — то, руководствуясь не честолюбіемъ и желаніемъ власти, ибо я далекъ отъ этого, а требованіемъ событій, по примѣру римлянъ, которые въ случаѣ опасности, угрожавшей отечеству, довѣряли высшую власть диктатору, — я объявляю вамъ, полякамъ, вамъ, храбрымъ польскимъ рыцарямъ, что я принимаю на себя на короткое время, т. е. до собранія сейма, диктаторскую власть, по собраніи же сейма я передамъ эту власть въ его руки. Вѣрьте мнѣ, соотечественники, что я употреблю эту власть только на вашу пользу.

На эту рѣчь войско и народъ отвѣчали криками: «да здравствуетъ диктаторъ! да здравствуетъ отечество!»

Генералъ Хлопицкій, окруженный многочисленною свитою, прибылъ верхомъ на Марсову площадь.

Благородная осанка, мужественное лицо, пронизательный взглядъ, громкій голосъ, созданный для командованія, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; онъ походилъ на богатыря, взявшаго въ свои руки бразды правленія для того, чтобы поразить враговъ.

Йосифъ Хлопицкій родился въ Галиціи въ 1772 г.; хотя ему было уже подлѣ 60 лѣтъ и онъ участвовалъ на своемъ вѣку во многихъ походахъ, начавъ свою военную карьеру подлѣ командою Костюшки въ 1792 г., но трудности боевой жизни не сломили его здоровья, и онъ казался моложе своихъ лѣтъ.

Пенсія, которую онъ получалъ (отъ русскаго правительства), и дохода съ маленькаго имѣнія, даннаго ему Наполеономъ, могло хватить на скромную жизнь въ Варшавѣ, но страсть къ карточной игрѣ заставляла его искать общества русскихъ генераловъ, коимъ онъ проигрывалъ большую часть своихъ денегъ. Я встрѣчался съ нимъ у Михаила Мицельскаго и у г-жи Вовсовичъ, за нѣсколько лѣтъ до возстанія. Я не могъ

не уважать его, какъ храбраго воина, но я не видѣлъ въ немъ качества человѣка, могущаго держать въ своихъ рукахъ бразды правленія или быть главнокомандующимъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ французскихъ генераловъ, называемыхъ *routiniers* (рутинеры), которые не видятъ ни поля битвы и ничего кромѣ орудіянаго дыма и которыхъ богъ войны не одарилъ стратегическимъ даромъ. Къ этому надобно прибавить, что онъ любилъ хорошо поѣсть, былъ готовъ играть въ карты съ кѣмъ попало, не выбирая людей и мѣста, часто проводилъ время праздно, не читалъ никакихъ военныхъ сочиненій и обладалъ такимъ запальчивымъ и раздражительнымъ характеромъ, что князь Адамъ Чарторыйскій говорилъ о немъ, что онъ никогда не видалъ военнаго, болѣе дурно воспитаннаго.

Какую цѣль могъ имѣть Хлопицкій, взявъ на себя бремя диктатора, въ столь важный для народа моментъ, когда каждый потерянный часъ могъ имѣть пагубное вліяніе на ходъ дѣла? Казалось, у него не могло быть иной цѣли, какъ, признавъ совершившуюся революцію, которую уже никакія человѣческія силы не могли сдержать, упорядочить власть народа, увеличить наши вооруженныя силы, направить народный энтузіазмъ въ одну сторону и начать безнадежную войну съ Россіей. Такъ казалось всѣмъ, такъ думалъ и я. Вслѣдствіе этого, объявленіе объ его диктатурѣ было принято всѣми съ восторгомъ. Кто бы могъ думать въ то время, что храбрый солдатъ мечталъ о чемъ-либо иномъ и былъ съ самаго начала польщенъ мыслию подавить революцію и повергнуть ее обезоруженную къ стопамъ императора Николая?

Въ моментъ провозглашенія диктатуры я находился на Марсовомъ полѣ; я шелъ задумавшись мимо школы подпрапорщиковъ, разставленной предъ фронтомъ войска, какъ вдругъ одинъ изъ подпрапорщиковъ, выйдя изъ рядовъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мы видамъ на лицѣ нашихъ штабъ-офицеровъ явную печаль и неудовольствіе по поводу совершившагося. Развѣ они не раздѣляютъ нашихъ чувствъ къ отчизнѣ?

— Я полагаю, — отвѣчалъ я, что такъ называемая вами печаль есть не что иное, какъ забота о будущемъ. Вы радуетесь полученной свободой! Мы предвидимъ войну съ державою, которую въ Европѣ никому еще не удалось побѣдить, которую самъ Наполеонъ не могъ осилить. Не мудрено, что мы задумываемся надъ тѣмъ, какъ ее вести, такъ какъ это будетъ борьба на жизнь и смерть, быть можетъ, это будетъ для насъ послѣдняя борьба. Но успокойтесь! Штабъ-офицеры польскаго войска исполняютъ свою обязанность и будутъ помогать вамъ, молодымъ людямъ, на полѣ битвы своей опытностью. Могутъ за это вамъ поручиться.

Эти слова произвели на подпрапорщика благопріятное впечатлѣніе: онъ пожалъ мнѣ руку и отошелъ къ товарищамъ, чтобы передать имъ

мои слова. Я видѣлъ по выраженію ихъ лицъ, что мои слова соотвѣтствовали самымъ пламеннымъ ихъ желаніямъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ этого разговора, генераль Хлопицкій остановился передъ фронтомъ подпрапорщиковъ, благодарилъ ихъ за молодецкое самопожертвованіе и общалъ, что они будутъ вознаграждены за все сдѣланное. Они всѣ были произведены въ подпоручики и зачислены во вновь сформированныя третьи и четвертые батальоны. Такимъ образомъ онъ отдѣлался сразу отъ ненадежной въ рукахъ этой молодежи революціонной силы.

Между тѣмъ великій князь съ русскимъ войскомъ безпрепятственно выступилъ изъ Варшавы и шелъ, не встрѣчая никакой помѣхи, къ Пулавамъ и, переправившись тутъ, 25-го ноября (7-го декабря) на лодкахъ, явился 14-го декабря въ Влодаву, на границу Литвы. Этотъ спокойный маршъ въ то время, когда вся страна волновалась, не мало удивилъ всѣхъ сколько-нибудь дальновидныхъ людей. Почему русскія войска не были обезоружены и взяты въ плѣнъ? Пять тысячъ вооруженныхъ человѣкъ, 3.000 лошадей и 20 орудій стояли того, чтобы постараться объ этомъ. Великому князю, стѣсненному между польскимъ войскомъ Вислою и австрійской границей, ничего не оставалось бы, какъ дать сраженіе либо отдаться въ плѣнъ. Этого требовала демократическая партія, во главѣ которой стояли Лелевель, Мохнацкій, Брониковскій. Но Хлопицкій былъ глухъ къ ихъ требованіямъ и энергично оспаривалъ мысль о возможности атаковать великаго князя. Между тѣмъ время уходило. Когда великій князь перешелъ Вислу, подходящий моментъ былъ упущенъ, и сдѣланную крупную ошибку уже нельзя было исправить.

Намъ предстояло рѣшить важный вопросъ, а именно, слѣдовало ли намъ тотчасъ по совершившейся революціи двинуться съ войскомъ въ Литву, вызвать тамъ возстаніе, обезоружить литовскій корпусъ и начать кампанію на берегу Днѣпра и Двины.

Какъ плохо знали нашу страну, средства Польши и ея военное положеніе и могущество Россіи тѣ люди, кои лелѣли въ своемъ воображеніи столь легкомысленные проекты! Во-первыхъ, вся, такъ называемая завоеванная страна состояла изъ Литвы, Волыни, Подолии и Украйны, простираясь отъ Буга и Нѣмана до Днѣпра и Двины и отъ Балтійскаго моря до береговъ Днѣстра. Эта мѣстность занимаетъ въ ширину 60, а въ длину 135 миль и раздѣляется на двѣ части болотами, которыя тянутся вдоль Припети: на этомъ пространствѣ имѣется только три дороги, доступныя для войска съ юга на сѣверъ, и тотъ, кто владѣеть ими, можетъ свободно пройти изъ Волынской губ. въ Литву.

Въ половинѣ января русскіе могли сосредоточить въ окрестностяхъ Вильны и Бѣлостока 118.600 человѣкъ пѣхоты, 400 орудій и 15.300

человѣкъ кавалеріи, не считая казаковъ, а на югѣ могли мобилизовать черезъ три мѣсяца армію въ 43.500 человекъ пѣхоты, 21.229 кавалеріи и 334 орудій.

«Каждая изъ этихъ двухъ армій, взятая въ отдѣльности, была достаточно сильна, чтобы подавить возстаніе. Какія же силы могли мы противопоставить русскимъ? Не болѣе какъ двѣ пѣхотныя дивизіи, т. е. 26.700 человекъ пѣхоты, 5.400 человекъ кавалеріи и 10 ракетныхъ станковъ, всего 32.100 человекъ!»

Если русскимъ войскамъ нужно было время для того, чтобы сосредоточиться, то и мы не были готовы сразу. Намъ надобно было еще сформировать парки, заготовить съѣстные припасы, боевые снаряды и т. п.

Итакъ намъ предстояло выступить изъ Варшавы съ этими двумя дивизіями пѣхоты и двумя дивизіями кавалеріи, не имѣя парковъ и боевыхъ снарядовъ, идти къ Брестъ-Литовску, овладѣть этимъ пунктомъ и тутъ только приступить окончательно къ сформированію нашего войска. Изъ этого пункта намъ предстояло напасть на мѣсто стоянки Литовскаго корпуса, разъединить его отряды, обезоружить одни изъ нихъ, склонить другихъ перейти на нашу сторону, внести возстаніе въ Литву и т. д. Лелевель и демократическая партія рассчитывали навѣрняка на то, что, при нашемъ появленіи, Литовскій корпусъ присоединится къ намъ со своей артиллеріей и знаменами. Правда, въ этомъ корпусѣ было не мало молодыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ поляковъ, но большая часть солдатъ и унтеръ-офицеровъ были русины и литовцы, отличавшіеся отъ насъ языкомъ, религіей, обычаями и издавна преданыя своему знамени. Почти всѣ дивизіонныя, бригадные, полковые, батальонныя и даже ротныя командиры были русские или нѣмцы. Склонить ихъ на нашу сторону было дѣломъ не легкимъ. Кромѣ того, командовавшій корпусомъ генералъ Розенъ принялъ необходимыя мѣры предосторожности, изъ коихъ одна, весьма важная, состояла въ томъ, что онъ перевелъ многихъ офицеровъ поляковъ въ другіе корпуса, во внутреннія губерніи Россіи и замѣнилъ ихъ коренными русскими офицерами.

Изъ всего этого вытекаетъ, что надежда привлечь Литовскій корпусъ на нашу сторону или возможность обезоружить его принадлежала къ числу тѣхъ несбыточныхъ мечтаній, которыя были порождены революціей.

Движеніе отъ Брестъ-Литовска въ глубь страны, напр. къ Вильно, или Минску, также было бы очень опасно и могло повлечь за собою самыя нежелательныя послѣдствія. Если бы мы осадили Брестъ съ одной дивизіей пѣхоты и дивизіей кавалеріи, что же осталось бы у насъ для дѣйствія противъ русскихъ отрядовъ, надвигавшихся со всѣхъ сто-

ронъ, какія силы могли бы мы выставить противъ южной арміи, которая получила приказаніе перейти нашу границу не позже 17-го февраля (1-го марта)? Быть можетъ, мы могли противопоставить имъ энергію, вѣру въ революцію? Пустыя слова, которыми никто не побѣдилъ еще ни одной арміи, состоящей изъ слишкомъ твердыхъ основъ, чтобы они могли уступить подъ натискомъ чарующихъ насъ словъ!

Между тѣмъ проигранное сраженіе въ Литвѣ было бы вторыми Мацювцами, и чѣмъ далѣе оно произошло бы отъ Вислы и отъ нашихъ запасныхъ магазиновъ, тѣмъ оно имѣло бы болѣе пагубныя послѣдствія.

Чѣмъ далѣе мы углубились бы въ Литву, тѣмъ болѣе южная армія угрожала бы Бресту и Варшавѣ.

Изъ этого ясно, что движеніе въ Литву съ самаго начала было невысказано, и что, даже взявъ Брестъ, мы не могли долго удержаться въ немъ.

Хлопицкій, какъ человекъ опытный въ военномъ дѣлѣ, былъ, вѣроятно, того же мнѣнія; поэтому, должно быть, онъ такъ энергично и оспаривалъ проектъ Лелевеля двинуть войско въ Литву.

Но возвратимся къ Варшавѣ.

Тотчасъ по полученіи приказа отъ 23-го ноября (5-го декабря), я дѣлательно занялся разработкою плана обороны Праги, Варшавы и Модлина и прежде всего обратилъ вниманіе на устройство предмостнаго укрѣпленія въ Прагѣ. Производство работъ было поручено мною инженеръ-капитану Лелевелю, которому были даны въ помощники четыре офицера и два кондуктора. Работы были начаты.

25-го ноября (7-го декабря) все населеніе Варшавы высыпало на валы, какъ въ 1794 г. Тутъ были цехи со значками во главѣ, монашескіе ордена, школы, училища; всѣ соревновали другъ передъ другомъ, принимая участіе въ насыпкѣ валовъ. Это создало много неурядицы; надобно было имѣть много терпѣнія и времени, чтобы водворить порядокъ среди этихъ восторженныхъ работниковъ; но то, что было начато слабыми, изнѣженными руками, было докончено опытными работниками, и дѣло вышло. Зрѣлище было во всѣхъ отношеніяхъ любопытное и отрадное.

26-го ноября (8-го декабря) я отправился въ Модлинъ для осмотра крѣпости, которая оказалась въ самомъ плачевномъ, разрушенномъ состояніи. Моста черезъ Вислу не было вовсе. Я немедленно приступилъ къ работамъ.

Нѣсколько времени спустя комендантомъ Модлина былъ назначенъ артиллерійскій полковникъ Ледоховскій, ветеранъ 1812 г., потерявшій ногу въ сраженіи подъ Лобау, который употребилъ всевозможное стараніе, чтобы привести крѣпость въ надлежащее состояніе.

Что касалось укрѣпленія Варшавы, то оно представляло большія трудности вслѣдствіе чрезвычайной раскинутости города и его предмѣстій.

Но для того, чтобы рѣшить вопросъ, какую систему укрѣпленій надлежало принять для такого обширнаго города, надобно было прежде всего знать намѣренія диктатора. Я не имѣлъ доступа къ нему и не могъ представить ему безъ спроса никакого плана обороны Варшавы, такъ какъ я видѣлъ по примѣру Прондзинскаго и Крыжановскаго, что онъ умѣетъ быстро отдѣлаться отъ непрошенныхъ совѣтниковъ: изъ нихъ первый былъ посланъ въ Замостье, а второй въ Модлинъ помощниками комендантовъ за то, что они осмѣлились высказать въ его присутствіи свои планы кампаніи. Поэтому мнѣ пришлось ожидать возвращенія генерала Малецкаго, который, пріѣхавъ въ Варшаву, вступилъ снова въ управленіе корпуса инженеровъ.

Я долженъ былъ во всемъ сообразоваться съ его приказаніями, такъ какъ диктаторъ совѣтовался только съ нимъ. Малецкій, умѣвшій угождать и нашимъ и вашимъ, снискалъ довѣріе диктатора, точно такъ же, какъ онъ съумѣлъ снискать у великаго князя; онъ бывалъ у Хлопицкаго на обѣдахъ и говорилъ во всеуслышаніе, что диктаторъ прекрасно знаетъ фортификацію. Съ такою же похвалою онъ отзывался обыкновенно обо всѣхъ начальствующихъ лицахъ. Поэтому отъ совѣщаній съ генераломъ Хлопицкимъ нельзя было ожидать ничего хорошаго.

Впрочемъ, онъ одобрилъ всѣ распоряженія, сдѣланныя мною въ его отсутствіе.

По приказанію диктатора была организована комиссія изъ генераловъ Малецкаго и Бонтана, изъ которой должны были исходить всѣ распоряженія по инженерной части.

Первое предложеніе, съ коимъ я обратился въ комиссію, заключалось въ сформированіи изъ отставныхъ солдатъ, саперъ и минеровъ резервнаго батальона, который я предполагалъ употребить при сооруженіи укрѣпленій Варшавы, Праги и Модлина; что касалось Замостья, то я предложилъ сформировать изъ захваченныхъ нами дезертировъ пѣшерную роту для крѣпостныхъ работъ.

Комиссія отказала мнѣ въ томъ и другомъ, назначивъ отставныхъ саперъ въ артиллерію; существовавшій же саперный батальонъ былъ распределенъ такимъ образомъ, что одна рота пѣшеръ была назначена въ Модлинъ, другая въ Замостье, а понтонная рота въ артиллерійскій паркъ, такъ что у меня осталась всего одна рота саперъ, которая несла службу при главной квартирѣ и при войскахъ. Для производства работъ въ Варшавѣ и Прагѣ не осталось ни одного солдата; такимъ образомъ инженерная служба была дезорганизована съ самаго начала.

Этой услугой мы были обязаны главнымъ образомъ генералу Малецкому.

Другая моя просьба касалась артиллеріи, а именно я просилъ дать мнѣ 200 орудій для вооруженія Варшавы и Праги, 100 орудій для отправки въ Замостье и 100 для посылки въ Самсоново и Суходнево, но въ этомъ мнѣ также было отказано.

Будучи такимъ образомъ весьма стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, я долженъ былъ гѣмъ не менѣе приступить къ дѣлу. Первымъ дѣломъ чадобно было обезпечить столицу отъ нападенія непріятельскаго отряда, который могъ перейти Вислу выше или ниже Варшавы и воспользо-ваться отдаленіемъ нашихъ главныхъ силъ для того, чтобы овладѣть столицей, уничтожить наши запасы и разстроить наши оборонительныя средства.

Каково бы ни было намѣреніе диктатора, думалъ ли онъ вести переговоры или начать наступательную войну или ожидать нападенія со стороны русскаго войска, во всякомъ случаѣ его первую обязанностью было увеличить наши силы, насколько позволяли средства страны. Въ первомъ случаѣ, желая выговорить какъ можно болѣе выгодныя условія, намъ было необходимо быть сильными; во второмъ случаѣ, если мы хотѣли воевать съ Россіей, то намъ слѣдовало быть еще сильнѣе. Хлопицкій оказался въ этомъ случаѣ человѣкомъ недалновиднымъ.

28-го ноября (10-го декабря) князь Любецкій отправился вмѣстѣ съ депутатомъ Зезерскимъ (Zezierski) въ Петербургъ, чтобы сообщить императору о положеніи дѣлъ въ королевствѣ и склонить его вступить съ нами въ переговоры.

Наши требованія сводились главнымъ образомъ къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ:

Строгому соблюденію конституціи и амнистіи всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи; посланнымъ велѣно было упомянуть между прочимъ и о надеждѣ поляковъ, что къ королевству будутъ вновь присоединены отторгнутыя отъ него провинціи.

На всѣ эти пункты Николай I, какъ императоръ всероссійскій, разумѣется, не могъ согласиться. Любецкій понималъ это какъ нельзя лучше, но ему не хотѣлось оставаться долѣе въ Польшѣ, ему хотѣлось быть въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, и поѣздка въ Петербургъ вполне соответствовала его желаніямъ.

5-го (17-го) декабря, Хлопицкій заявилъ въ присутствіи собравшихся депутатовъ сейма и сенаторовъ, что онъ представитель конституціоннаго короля, что онъ не намѣренъ нарушить данной Николаю присяги, что его желанія не идутъ далѣе конституціонныхъ правъ, что онъ никогда не помышлялъ о возвратѣ отторгнутыхъ провинцій, такъ какъ императоръ никогда на это не согласится, и что онъ присвоилъ

себѣ диктаторскую власть только для того, чтобы спасти страну отъ революціонной анархіи, и никакихъ иныхъ цѣлей добиваться не будетъ.

Эти слова поразили присутствующихъ. Понимая, какое впечатлѣніе заявленіе диктатора должно было произвести на народъ, они рѣшили не оглашать его истинныхъ намѣреній.

6-го (18-го) декабря, въ 6 часовъ вечера, сеймъ объявилъ возстаніе 17-го (29-го) ноября дѣломъ народнымъ.

Въ отвѣтъ на этотъ рѣшительный шагъ сейма диктаторъ въ тотъ же вечеръ сложилъ съ себя власть. Волненіе въ Варшавѣ въ тотъ день и на слѣдующій день было необычайное.

Такимъ образомъ страна осталась безъ правительства, войско безъ главы.

Но хотя депутаты сейма рѣшили держать заявленіе, сдѣланное диктаторомъ, въ тайнѣ, но публика вскорѣ узнала истину. Всѣ съ тревогою спрашивали другъ друга: чтѣ намѣренъ дѣлать Хлопицкій? Неужели мы останемся безъ руководителя? А войско роптало и говорило, что оно пойдетъ противъ непріятеля только подъ командою Хлопицкаго.

Сеймъ вторично собрался на совѣщаніе и снова предложилъ Хлопицкому диктаторскую власть, которую тотъ, ко всеобщему удивленію, тотчасъ изъявилъ согласіе принять.

Насталъ второй періодъ диктатуры, продолжавшійся съ 8-го (20-го) января по 4-е (16-е) февраля.

Чтѣ имѣлъ въ виду Хлопицкій, принимая вторично диктаторскую власть, послѣ того какъ революція была объявлена дѣломъ народнымъ? Быть можетъ, онъ предполагалъ измѣнить свой образъ дѣйствій и послѣдовать за общимъ теченіемъ? Едва ли! Откровенно изложивъ свой взглядъ въ присутствіи депутаціи отъ сейма, онъ могъ предполагать, что сеймъ оденетъ его неограниченной властью на тѣхъ условіяхъ, которыя были имъ заявлены. Поэтому его нельзя обвинять въ двуличности, а лишь въ томъ, что онъ упорствовалъ вопреки волѣ народа и понималъ положеніе дѣлъ превратно.

Послѣ всего бывшаго 17-го (29-го) ноября уже нельзя было вступать ни въ какіе переговоры. Императоръ могъ требовать отъ насъ не подчиненія какимъ-либо условіямъ, а полнаго повиновенія и наказанія участниковъ возстанія. А мы, вмѣсто того, чтобы подчиниться его власти, требовали прекращенія злоупотребленій, соблюденія конституціонной хартіи, всеобщей амнистіи, говорили объ отторгнутыхъ у насъ провинціяхъ и въ то же время усиленно вооружались.

Могли ли, при подобныхъ условіяхъ, къ чему-либо привести переговоры? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь.

А между тѣмъ Хлопицкій настаивалъ на своемъ и рѣшалъ начать

съ конституціоннымъ королемъ переговоры отъ имени народнаго правительства!

Въ этомъ слѣдуетъ винить не его, а тѣхъ, кто, зная его образъ мыслей и намѣренія, вручили ему власть—Лелевеля, Звержовскаго и прочихъ членовъ патріотическаго клуба.

Съ обѣихъ сторонъ дѣятельно готовились къ войнѣ.

9-го (21-го) ноября диктаторъ послалъ своего адъютанта Вылежинскаго въ Петербургъ съ письмомъ къ императору, приказавъ ему вернуться 26-го декабря (7-го января) съ отвѣтомъ или хотя бы даже безъ него.

Вылежинскій возвратился 6-го числа, но не привезъ рѣшительнаго отвѣта, а только письмо къ Хлопицкому отъ статсъ-секретаря графа Грабовскаго, въ которомъ говорилось, что императоръ весьма доволенъ чувствами, высказанными Хлопицкимъ въ его письмѣ, и готовъ повѣрить имъ, ежели диктаторъ докажетъ ихъ на дѣлѣ согласно съ волею его величества, возвыщенною польскому народу 6-го (18-го) января ¹⁾.

Прочитавъ это письмо, Хлопицкій заявилъ сейму, что послѣ этого онъ не можетъ долѣе оставаться у власти, и совѣтовалъ, какъ съ самаго начала, начать переговоры при посредничествѣ Пруссіи, указывая на могущество Россіи, на ничтожество нашихъ силъ, на недостатокъ у насъ военныхъ запасовъ и т. п. Депутаты оспаривали его слова. Завязался горячій споръ, и наконецъ, когда Янъ Ледоховскій сталъ упрекать его въ упорствѣ, то Хлопицкій отвѣчалъ, что никакія силы въ мірѣ не заставятъ его сохранить диктатуру.

Тогда сеймъ избралъ въ члены народнаго правительства князя Адама Чарторыйскаго, Ст. Баржиковскаго, І. Лелевеля, Т. Моравскаго и В. Нѣмоевскаго. Командующимъ войсками былъ назначенъ князь Михаилъ Радзивиллъ, котораго Хлопицкій обѣщалъ поддерживать своимъ совѣтомъ.

Съ этой минуты война сдѣлалась неизбежною. Послѣдняя надежда на примиреніе исчезла. 13-го (25-го) января, когда по предложенію Романа Солтыка было объявлено о низложеніи императора, Ледоховскій воскликнулъ: «Нѣтъ болѣе Николая I».

Началась война, окончившаяся, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдою русскихъ войскъ и окончательнымъ включеніемъ Польши въ составъ Россійской Имперіи.



¹⁾ Въ воззваніи къ польскому народу госуляръ требовалъ наказанія всѣхъ участниковъ возстанія, освобожденія русскихъ плѣнныхъ, прекращенія вооруженій, распушенія войска и т. д.